

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 2. № 6. С. 145–160 (1-я пагин.). (Продолжение.)

непоколебимость и того и другого проистекает изъ апостольскаго ученія.

8.—Мы видимъ, что даже писанные законы теряютъ значеніе вслѣдствіе того, что получаютъ силу отличныя отъ нихъ преданія и обычаи. Обычай все утверждаетъ, ибо дѣло сильнѣе слова. Что такое законъ, какъ не писанный обычай? Ровно какъ и обычай опять есть неписанный законъ. Это легко наблюдать и на примѣрахъ не изъ областей священныхъ предметовъ. Грамматики, если случится, что слово въ сочиненіи отклоняется отъ господствующаго правила и пишется иначе, согласно установившемуся обычаю, ссылаются на преданіе, считая его правиломъ правилъ. И что имъ говорить предъ лицомъ сказавшаго: *азъ пріяхъ отъ Господа, яже и предахъ вамъ* (1 Кор. 11, 23)? Какимъ же образомъ они могутъ не презирать писавшаго къ наставляемымъ въ евангеліи Коринѣянамъ: *хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 12, 2). Также къ Фессалоникійцамъ: *тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Фессал. 2, 14). Пусть раскроетъ это яснѣе первосвященникъ царствующаго града и яркій свѣточъ вселенной великій Іоаннъ, говоря: „апостолы не все предали въ посланіяхъ, но и внѣ письмени. Но и то и это одинаково достовѣрно, вслѣдствіе чего, говорить, считаемъ достойнымъ вѣры и преданіе церковное. Преданіе существуетъ. Не спрашивай больше ¹⁾. Подобное этому писалъ и божественный Василій святому Амфилохію: „изъ догматовъ и проповѣдей, соблюденныхъ въ церкви, иныя имѣемъ въ уче-

¹⁾ Это мѣсто Никифоръ приводитъ въ собраніи отеческихъ изреченій, помѣщенныхъ въ приложеніи къ „Защитительному Слову“. См. 1 т. его твореній въ русскомъ переводѣ.

ніи, изложенномъ въ Писаніи, а другія, дошедшія до насъ отъ апостольскаго преданія, пріяли мы въ тайнѣ. Но и тѣ и другія имѣютъ одинаковую силу для благочестія. И никто не оспариваетъ послѣднихъ, если хотя нѣсколько свѣдуещъ онъ въ церковныхъ постановленіяхъ. Ибо еслибы мы вздумали отвергать не изложенные въ Писаніи обычаи, какъ не имѣющіе большой силы, то непримѣтнымъ для себя образомъ исказили бы самое главное въ Евангеліи, лучше же сказать, обратили бы проповѣдь въ пустое имя (къ Амфил. о св. Духѣ, гл. 27). Читатель легко оцѣнитъ это. Также божественный Епифаній, разсуждая о приношеніи за мертвыхъ, говоритъ: „Церковь непремѣнно совершаетъ это, принявъ преданіе о семъ отъ отцевъ. Кто можетъ нарушить завѣтъ матери или законъ отеческій. Соломономъ сказано: *слыши, сыне, наказаніе отца твоего, и не отрижи завѣтовъ матери твоея* (Притч. 1, 8), чѣмъ указывается на то, что Отецъ, т. е. Богъ, Единородный и Святой Духъ учили въ письмени и безъ письмени, что мать наша Церковь владѣетъ законоположеніями, которыя не должны быть нарушаемы“. (О Ересьяхъ 55, 8).

9.—Таковы изреченія святыхъ учителей. Что можетъ быть яснѣе ихъ? Что можетъ сильнѣе склонять къ вѣрѣ? Не должны-ли мы повиноваться апостольскимъ и отеческимъ велѣніямъ? Не надлежитъ-ли чтить ихъ если не по чему другому, то потому, что они истекаютъ отъ духовной благодати? Не должны-ли они были умягчить каменное сердце ихъ и изгнать изъ ихъ душъ всякій поводъ для невѣрія и злобы? Но вскормленные гордостію и упорствомъ, они уничижаютъ предѣлы справедливаго, преступаютъ законоположенія церкви и святыни въ ихъ глазахъ являются обезчещенными. Откуда, говорятъ они, и

какой законъ повелѣваетъ поклоняться иконѣ Христа? Ясно, что спрашивающіе такъ отрицаютъ христіанство, почему не слѣдовало бы отвѣчать имъ. Но ради пользы и вразумленія людей болѣе благомыслящихъ и расположенныхъ къ послушанію мы снова говоримъ:—прежде всего законъ, повелѣвающій чтить святыя Евангелія и крестъ и прочее, что почитаетъ и уважаетъ наша церковь, этотъ самый законъ требуетъ почитать и икону Христа.

10.—Что такое этотъ законъ?—Вѣра и внутреннее добровольное влеченіе вѣрующихъ къ святынямъ благочестивое и совершенно неукоризненное въ отношеніи къ нимъ попеченіе и усердіе и преданное церковью и долгимъ временемъ утвержденное господствующее обыкновеніе, какъ сказано немного раньше. А затѣмъ, намъ присущъ и естественный законъ,—помимо того, что этого требуетъ законъ, заключенный въ письмени,—повелѣвающій воздавать подобающую честь и поклоненіе тѣмъ, кто выше насъ. Это можно видѣть и при разсмотрѣніи различныхъ родовъ поклоненія. Исключительное и высшее поклоненіе подобаетъ и воздается единому Богу всяческихъ и Господу всѣхъ; оно мыслится какъ служеніе въ духѣ. Изъ прочихъ видовъ поклоненія одно воздается ради могущества и достоинства, какъ напр. то, которое оказываютъ царямъ и прочимъ начальствующимъ подданные. Бываетъ еще поклоненіе тиранническое и насильственное, оказываемое врагамъ и тираннамъ людьми, принуждаемыми къ тому противъ воли боязнью и страхомъ. Иной видъ представляетъ поклоненіе изъ уваженія и добровольно съ усердіемъ и вѣрою воздаваемое вѣрующими святымъ ради Бога святыхъ, какъ возносимое чрезъ нихъ Ему, т. е. ангеламъ Божиимъ и святымъ мужамъ, а также честнымъ хра-

мамъ и сосудамъ. Наконецъ есть еще видъ поклоненія, это—относительное и привѣтственное, вызываемое дружбою и расположеніемъ, выказывающее нашу близость и благоволеніе къ людямъ, которыхъ мы любимъ. Какова бы рода ни было поклоненіе, вообще говоря, оно сводится къ слѣдующимъ тремъ видамъ: мы видимъ, что оно вызывается или желаніемъ, или страхомъ, или закономъ. Отсюда и предметамъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, какъ сподобившимся высшей славы и стяжавшимъ почтеніе ради того, что они намъ напоминаютъ, мы по праву съ любовію воздаемъ почитательное поклоненіе, но не служеніе,—да не будетъ сего,—какъ клеветаютъ на христіанъ непохристіански наши противники.

11.—Если нужно ссылаться на законы, то пусть законодательствуетъ Павелъ, говоря: *воздадите всѣмъ емуже страхъ, емуже честь* (Римл. 13, 7) и прочее, что онъ перечисляетъ въ этомъ мѣстѣ. Если же они не слушаются Павла, то вѣроятно не послушаютъ и Христа, повелѣвшаго чтить изображеніе Кесаря. Когда искушавшіе показали монету, Онъ не сказалъ: плюйте и попирайте ее или сдѣлайте что-либо иное безчестящее и позорящее, хотя Онъ былъ Богъ и имѣлъ власть надъ всѣмъ, но:—*воздадите Кесарево Кесарю и Божіе Богови* (Мѣ. 22, 21). Что это иное, какъ не оказаніе высшей чести? Говоря одинако о томъ и другомъ, какъ бы устанавливая законъ, Онъ повелѣлъ воздавать подобающее Богу также и Кесарю, идолопоклоннику и язычнику. О, нечестіе и безуміе христорборцевъ! Христосъ не безчестилъ изображенія Кесаря, а именующіе себя христіанами подвергаютъ безчисленнымъ поношеніямъ икону Христа, скорѣе даже самого Христа, допускаютъ все непотребное и и неумѣстное, и ни евангельское, ни апостольское

слово, ни установившіеся обычаи, ни увѣщанія не въ состояніи убѣдить ихъ вести себя благоприлично.

12. Нечестіе ихъ выступить особенно сильно еще съ слѣдующей стороны. Если кто изъ благочестивыхъ въ видѣ примѣра укажетъ на то, что какъ согласно древнему обычаю, изображенія царей почитаются подданными, каковымъ примѣромъ пользуются часто въ своихъ сочиненіяхъ и наши тайносовершители и учителя,—и это же признаетъ повсемѣстный и всенародный обычай, такъ подобаешь чтить и икону Царя царствующихъ и Бога всяческихъ,—и почтеніе въ послѣднемъ случаѣ гораздо разумнѣе и справедливѣе,—то жалкіе не выносятъ слушать объ этомъ, возмущаются и отвѣчаютъ: „это приличествуетъ нашимъ царямъ—людямъ и земнымъ властямъ, но совершенно не подобаешь Христу“. Мы требуемъ, чтобы они сказали, почему это такъ. Если они отвращаются поклоненія, какъ сопровождающаго тираннію, то пусть цари оставляютъ эту тираннію, и мы удовлетворимся, хотя мы воздаемъ честь Христу въ священныхъ изображеніяхъ добровольно, по собственному расположенію, безъ всякаго принужденія и насилія, свидѣтельствуя тѣмъ вѣру свою въ Него. Если же они отвергаютъ поклоненіе на томъ основаніи, что ничто изъ здѣшняго земного не имѣетъ цѣны въ глазахъ Христа, каковое соображеніе еще болѣе идетъ къ ихъ безумію, то что сказать намъ? Они отогнали царство Христа, какъ древле возлюбленный Израиль, разорвали узы, свергли иго, отказались отъ повиновенія, безстыдно поднялись на вѣру во Христа, отреклись отъ царства Христова и тайны домостроительства, изошривъ языкъ свой, приличествующій невоздержнымъ устами Іудеевъ, неистовствующихъ противъ Христа, съ которыми,

какъ съ единомышленниками, они изрекають почти одно и тоже: *не имамы царя токмо Кесаря* (Іоа. 19, 15). И эти возмущаются по той же причинѣ, по какой неистовствовали и тѣ, ибо также завидуя Христу (какъ и эти), когда видѣли совершеніе великихъ преестественныхъ и божественныхъ знаменій, являвшихъ Его, какъ Царя и Бога всяческихъ, что говорили они? *Всякъ, иже царя себе творитъ, противится Кесарю* (Іоа. 19, 12).

13.—На все дерзаящіе и безстыдствующіе можетъ быть осмѣляться сослаться на то, что Онъ Самъ сказалъ: *царство мое несть отсюду* (Іоан. 18, 38). Для нихъ это отраднo и пріятно, ибо не выносятъ мысли о Его царствованіи на землѣ, являясь и въ этомъ единомышленными съ учителями своими, послѣдователями Манеса. Они усвояютъ земное другому началу, не разумѣя по своему невѣжеству силы словъ Его и дѣяній? Ибо что хочетъ вообще сказать то изреченіе? Не по подобію, говорить, земныхъ и смертныхъ царей, стяжавшихъ временную и малую славу, устроится царство Мое, ибо ихъ послѣ вкушенія ничтожной мірской славы, увядающей подобно полевымъ цвѣтамъ, постигаетъ разрушеніе и смерть; а также возмущенія народа и заговоры лишаютъ ихъ достоинства и подвергаютъ безславію и разнымъ тяжелымъ несчастіямъ. У Меня не видится ничего земного и перстнаго, что оказывается на пути ихъ: ни голосованія и избранія народнаго, ни предвзятыхъ мнѣній человѣческихъ, не различающихъ полезнаго, приче́мъ устремляющіеся къ удовольствіямъ и честолюбію иногда ставили у власти и людей недостойныхъ. Я не имѣю никакихъ знаковъ такого достоинства, которые тлѣнны и скоропреходящи, ни мантии пурпуроваго цвѣта, ни вѣнцовъ, украшенныхъ драгоценными кам-

нями, ни скиптровъ и высокихъ троновъ, ни блестящихъ выходовъ, ни раззолоченныхъ колесницъ, ни почестей торжественныхъ и народныхъ, ни толпы щитоносцевъ и копьеносцевъ, ни шума привѣтствій спереди и сзади, ничего изъ преходящаго и человѣческаго, что окружаетъ земную власть. Царство Мое нѣсть отсюда. По виду оно малозначительно, для глаза ничтожно, у Меня мало учениковъ, да и тѣ изъ простыхъ бѣдняковъ и рыбаковъ; но оно совершеннѣе и выше всего мыслимаго. Я Сынъ Всепаря и Бога всяческихъ, истинное рожденіе и сіяніе, и раздѣляю съ Нимъ одинаковую честь и славу, ибо Я наслѣдникъ Отчей славы, и будучи сопрестольнымъ Отцу, Я обладаю царственными почестями, равными славѣ Его; изъ этого источника исходитъ Мое царство и держава; оно не отсюда; Моя держава не походить на то, что есть здѣсь; Я не имѣю ограниченной власти, ни извѣстнаго народа, ни такого-то города, но ангеловъ и людей и всѣхъ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ; Я есмь Владыка и Господь; Мнѣ поклоняются всѣ колѣна; все лежитъ у ногъ Моихъ, и ничто не избѣжитъ руки Моей; и царству Моему не будетъ ни предѣла, ни конца. И что это такъ, а не иначе, въ это вѣрятъ и это возглашаютъ всѣ вѣрующіе. Кому принадлежало бы промышленіе о земномъ и какъ управлялись бы дѣла наши и нашей жизни, если бы не *въ руку Его были концы земли* (Пс. 94, 4)? И не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ Онъ всѣмъ управляетъ и господствуетъ, какъ сказано: *и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Пс. 2, 8); и: *будетъ царь вся земли Богъ* (Пс. 46, 8); и: *се царь твой*, сказано Іерусалиму, *грядетъ кротокъ и праведенъ и спасающій* (Мф. 21, 5 и Зах. 9, 9); и: *воцарится Господь посредаъ тебе*

(Соф. 3, 15); и: *воцарится Господь на горѣ Сіонѣ отны-
нѣ и до вѣка.* (Мих. 4, 7).

14. И что они могутъ сказать на эти слова: *царя
со славою узрите* (Ис. 33, 17)? Но болѣе надменные
чѣмъ Іудеи, отдѣлившіе себя отъ царства Христова,
они не пожелали уразумѣть этого. Ихъ не устыдили
благоразуміе и вѣра Персовъ, когда они искали ро-
дившагося Царя Христа; и дары, принесенные ими,
показывали, каковъ былъ Тотъ, ради Кого они пред-
приняли такой путь и странствованіе. Они болѣе вар-
вары и грубы, чѣмъ Персы. Персы, отрицувъ отече-
ское суевѣріе, прибѣгли къ Царю всѣхъ и Господу,
признали и объявили Его Богомъ всяческихъ, поль-
зуясь наученіемъ и водительствою звѣзды; эти же
отвергли съ незапамятныхъ временъ проповѣданную
и преданную апостолами и отцами вѣру, примкнувъ
къ новому ученію, направленному противъ спаситель-
наго домостроительства. Не убѣдилъ ихъ и Иродъ,
избивая поколѣніе новорожденныхъ дѣтей, ибо кого
искалъ онъ, кому завидовалъ? Не царю-ли, объявлен-
ному волхвами, думая въ числѣ избиваемыхъ захва-
тить и искомаго? Зачѣмъ говорить о другомъ, что сви-
дѣтельствуется въ святыхъ евангеліяхъ о Христѣ, какъ
царѣ, и вслѣдствіе чего мы считаемъ Его царемъ? Эти
же, презрѣвъ все, отреклись и отказались отъ царя
Христа. Можно ли называть ихъ христіанами? Всякій,
кто слышитъ это, пусть разсудитъ. Бѣсы, слыша имя
Христа, убѣгаютъ; а эти и на иконѣ начертаннаго
не только не боятся,—о, дерзость и беззаконіе,—по-
добно сквернымъ бѣсамъ,—но и совершаютъ гнусно-
сти. Древніе истинные христіане, выше всего постав-
ляя религію, удостоивали великаго почтенія самыя
тѣни апостоловъ, такъ что осѣненіе ими (Дѣян. 5, 15)
считали весьма благодѣтельнымъ и спасительнымъ.

А эти, нося высокое званіе, безславно низвергають изображеніе Господа и учителя апостоловъ. На сколько отстоить изображеніе отъ тѣни, учитель отъ ученика, господинъ отъ рабовъ, настолько же выдѣляется по сравненію съ другими грѣхами ихъ беззаконіе. Чтобы скрыть свое коварство, не заявлять о своемъ нечестіи, они не рѣшаются говорить съ вѣрующими о томъ, какъ относится къ Нему почитаніе чтимаго, ибо не выносятъ слышать о чести, воздаваемой Христу. Итакъ, справедливо думать, что они напрасно усвоили имя христіанъ, совершенно отвергая значеніе и осуществленіе этого имени на дѣлѣ.

15.—Если кто-либо изъ Іудеевъ или язычниковъ или другой какой вѣры увидѣлъ бы дѣйствительно человѣка, поклоняющагося иконѣ Христа или святыхъ, Кресту или Евангелію или какой-либо другой нашей святынѣ, то не сказалъ ли бы онъ, что поклоняющійся принадлежитъ къ нашей вѣрѣ и не называли бы его христіаниномъ? Кто настолько глупъ и неразуменъ, чтобы не признать этого? Если же онъ увидѣлъ бы кого-либо изъ именующихъ себя христіанами низвергающимъ изображеніе Христа или что-либо изъ упомянутаго, то какое имя онъ далъ бы ему? Сообразно съ истиной онъ сказалъ бы, что какъ первый принадлежитъ къ вѣрѣ нашей, такъ второй отвергаетъ вѣру нашу. Мы знаемъ и слышимъ, что эти изображенія евангельской исторіи до сихъ поръ для многихъ положили начало спасенія. Узнавъ по нимъ о божественномъ домостроительствѣ и принявъ просвѣщеніе Евангелія, они были приведены ко пречистой вѣрѣ нашей; а другіе, благодаря имъ, отъ постыдной жизни обратились къ жизни воздержной и благоугодной.

15.—Такъ случилось, какъ извѣстно, со святой же-

ной по имени Маріей,—приведемъ одинъ подходящій примѣръ изъ множества другихъ. Сначала уловленная сѣтями лукаваго, она стала обиталищемъ всѣхъ страстей. Но увидѣвъ священныя изображенія и отсюда просвѣщенная божественною благодатію, она оказалась выше не только страстей, но и самой природы. Повѣствованіе объ ангельскомъ житіи ея показываетъ, что она вела вышечеловѣческой образъ жизни.

17. Это можно видѣть и на чуждыхъ нашей вѣрѣ, какъ показываетъ исторія Полемона, которую вспоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ Григорій Великій. Обратившись отъ невоздержанія къ цѣломудрію, онъ оказался настолько господиномъ своихъ страстей, что о немъ повѣствуются чудеса. Изъ нихъ одно, по разсказу, совершилось съ гетерою. Что же говоритъ намъ противникъ? Не икона, говоритъ, но Полемонъ, взирающій съ картины, измѣнилъ невоздержную. „А это была чтимая икона“, замѣчаетъ св. отецъ. Вонми небо, услышь земля, и вы люди, благочестиво чтущіе и славящіе Бога и все божественное, изумитесь и подивитесь силѣ и чудовищности безстыдства и безбожія беззаконныхъ. Образъ Полемона по сужденію нашихъ богослововъ чтимъ, а что же съ образомъ Христа? Онъ исполненъ всякаго безчестія и поношенія! Что можетъ быть нечестивѣе и преступнѣе этого? Но, говорятъ, это былъ образъ язычника и среди язычниковъ. Но развѣ не было бы верхомъ несообразности, еслибы образъ Христа не былъ чтимъ христіанами, если только они христіане? Затѣмъ, когда правосмыслящіе приводятъ въ защищеніе слово истины, жалкіе безстыдно извращаютъ по своему изреченія боговдохновеннаго Писанія и наставниковъ церкви, надѣясь подкрѣпить свое зломысліе ничтожными и

ложными изысканіями. Одни изъ этихъ изреченій они искажаютъ, а другія вычеркиваютъ и уничтожаютъ, какъ поступаютъ зачеркивающіе неподлинныя мѣста въ сочиненіяхъ, или какъ рабочіе на постройкахъ, отсѣкающіе отъ камней и деревьевъ ненужныя части.

18.—Каковы положенія, наши защищаемыя? Чрезъ икону мы познаемъ первообразъ; кромѣ того честь, воздаваемая иконѣ, восходитъ къ первообразу, какъ представляется это Василию Великому и самой истинѣ и какъ признаютъ всѣ люди съ здоровою мыслию. И никто изъ людей благоразумныхъ не дерзалъ нагло и невѣжественно возставать противъ столь очевидной истины, пока это безбожіе и скверное ученіе, какъ зараза, не проникло въ человѣческія души въ церкви Божіей. Свидѣтельство же отца въ его посланіи къ Амфилохію Иконійскому имѣетъ слѣдующій видъ: „поклоняясь Богу отъ Бога, и различіе Ипостасей исповѣдуемъ, и остаемся при единоначаліи, не разсѣкая богословія на раздробленное множество, потому что въ Богѣ Отцѣ и въ Богѣ Единородномъ созерцаемъ одинъ какъ бы образъ, отпечатавшійся въ неизмѣнности Божества. Ибо Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; потому что и Сынъ таковъ же, каковъ Отецъ, и Отецъ таковъ же, каковъ Сынъ; и въ этомъ Они—едино. Посему по отличительному свойству Лица—едино и единъ, а по общности естества Оба—едино. А почему, хотя единъ и единъ, не два Бога? Потому что царемъ именуется и образъ царевъ, и не два царя; ибо ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется. Какъ едино державствующее надъ нами начало и одна власть, такъ и наше славословіе одно, а не многія, потому что чествованіе образа переходитъ къ первообразу. Но что здѣсь подражательно есть образъ, это тамъ естественно есть Сынъ. И какъ

въ искусственныхъ произведеніяхъ подобіе—въ образѣ, такъ въ Божіемъ несложномъ естествѣ единеніе въ общеніи божества“. Таковы слова отца; они всѣмъ такъ извѣстны, что, думаю, ихъ знаютъ поселяне и ремесленники. Чтоже противъ нихъ говорятъ иконоборцы? Они утверждаютъ, что св. отецъ высказалъ это о Троицѣ и что въ изслѣдуемомъ вопросѣ изреченіе не можетъ оказать намъ пользы, ибо въ Писаніи Сынъ называется образомъ Бога Отца. Но на это слѣдуетъ отвѣтить, что если слова отца не имѣютъ отношенія къ воплощенію Бога Слова, то почему они отвергаются? Вы хорошо знаете, что дѣло идетъ не только о видимомъ и матеріи, ибо честь восходитъ не чрезъ матерію и видимое. Въ противномъ случаѣ вся матерія должна была бы одними чтиться, а со стороны другихъ подвергаться оскорбленію, и такимъ образомъ вы безчестили бы всякій образъ. Ясно, что здѣсь вы принимаете предметъ спора въ такомъ же смыслѣ, какъ и мы. Еслибы вы не знали, что икона представляетъ Христа, и еслибы воздаваемую ей честь относили не къ Нему, тогда вы не подвергали бы ее столькимъ поношеніямъ, ибо тяжело вамъ видѣть Его на иконѣ.

19.—Чтоже изъ всего этого слѣдуетъ? Такъ какъ тѣ, кто чтитъ икону, признаютъ, что они воздаютъ честь первообразу, то необходимо, чтобы и отвергающіе иконы послѣдовательно и неизбѣжно говорили, что они безчестятъ первообразъ. Но они говорятъ объ этомъ не для утвержденія богословія (ибо какъ возможно это для людей, чуждыхъ тайнъ богословія), но для того, чтобы уничтожить самое имя иконы, чтобы даже память о ней совсѣмъ исчезла въ жизни, и это особенно въ отношеніи къ иконамъ, представляющимъ человѣческій видъ, почему они иконы свя-

тыхъ называютъ лжеименными. Сказанное богоноснымъ отцомъ ради примѣра они злокозненно и неразумно умышляютъ сокрыть (но отъ кого они хотятъ утаить или кого обмануть), какъ противорѣчащее ихъ безбожному ученію. Что въ приведенныхъ словахъ отецъ говоритъ о Богѣ, съ этимъ согласимся и мы, но, исходя изъ тогоже толкованія, мы должны сказать имъ слѣдующее: Сынъ хотя блистаетъ и прославляется многими другими проявленіями божества, однако тѣмъ, что Онъ есть образъ Бога Отца, Онъ гораздо болѣе, чѣмъ другими свойствами, приближается къ Отцу, соединяется съ Нимъ по существу и вслѣдствіе этого пріемлетъ отъ всѣхъ равночестную, тожественную и одинаковую со Отцемъ славу и поклоненіе. Честь, воздаваемая Сыну, какъ образу, воздается Отцу, какъ первообразу. Такъ и Самъ Онъ нѣкогда говорилъ Отцу: *Азъ прославихъ тя на земли* (Іоан. 17, 4). И: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися въ немъ* (Іо. 13, 31). И: *Отче, прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя* (Іоан. 17, 7). А что первообразъ познается по образу, объ этомъ Самъ Спаситель говорилъ ученикамъ: *аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо: и отсель познаете Его* (Іо. 14, 7); и: *видѣвый мене видѣ Отца* (Іо. 14, 9); и: *азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ есть* (Іо. 14, 10).

20.—Если это такъ, то почему и священное изображеніе, какъ образъ вочеловѣчившагося Сына, представляющее и напоминающее намъ Его, если принять во вниманіе естественное сходство и въ тоже время отличительное свойство Слова (ибо изображеніе нетождественно съ Сыномъ, а представляетъ только подобіе внѣшняго вида) не можетъ быть чтимо и покланяемо? Онъ есть единственный въ своемъ родѣ и честнѣйшій изъ священныхъ символовъ во славу и

явленіе домостроительства Его, дабы и чрезъ него слава восходила къ первообразу. Въ противномъ случаѣ ради названія образа борющимся съ названіемъ пришлось бы отчуждать Сына отъ Отчей сущности и слава и лишать Его поклоненія и служенія, разъ они не допускаютъ никакого отношенія между образомъ и первообразомъ. Итакъ, рѣчь отца подтверждаетъ наше положеніе, а не опровергаетъ его.

21.—Но безумцы не уразумѣли или намѣренно не говорятъ, что названіе образа прилагается не только къ видимому, но есть омонимъ и имѣетъ многія значенія, о каковомъ различіи тотъ же отецъ подробно разсуждаетъ въ другомъ мѣстѣ. Взятый въ первомъ значеніи образъ бываетъ естественнымъ и искусственнымъ, а въ другомъ или по подраздѣленію, искусственный образъ, говоритъ отецъ, есть изображеніе формы и внѣшности, или вида и красокъ. Итакъ, пусть скажутъ намъ, что заставляетъ насъ принимать одно изъ этихъ значеній—именно то, которое относится къ естественнымъ образамъ, и допускать, что близость и отношеніе (между образомъ и первообразомъ) сохраняются совершенно, а другое значеніе, которое имѣетъ въ виду искусственный образъ, отвергать? Почему? Не сохраняетъ ли и искусственный образъ неизмѣнно отношеніе и связь съ первообразомъ свойственнымъ ему образомъ? Слово „образъ“ въ смыслѣ просто образа всѣ не лишены смысла употребляютъ въ обоихъ случаяхъ одинаково и равночестно, хотя предметы обозначаемые и различны. Слово образъ означаетъ какъ въ приложеніи къ образамъ естественнымъ, очевидно подобіе и отсутствіе различія, такъ и въ приложеніи къ образамъ искусственнымъ—сходство по виду и формѣ, хотя по существу въ нихъ наблюдается различіе; отсюда образъ и

первообразъ соединяются въ одномъ и томъ же названіи омонимически. Но такъ какъ это названіе берется собственно въ примѣненіи къ воплощенію Слова, то безумцы стараются замолчать и извратить его. Когда рѣчь отца явно не противорѣчитъ имъ, они въ виду того, что она благопріятствуетъ имъ и имѣетъ авторитетъ, стараются слѣдовать учителю; а когда онъ становится имъ на пути, они всегда его избѣгаютъ.

Но пора намъ приступить къ обсужденію рѣчи святаго отца. Учителю разсуждающему о Богѣ и знающему, что Сынъ имѣетъ одно и тоже естество съ Отцемъ и туже сущность, и утверждающему, что Онъ отличается отъ Отца только по ипостаси или по лицу—въ виду многихъ тогдашнихъ богоборныхъ еретиковъ, возстававшихъ противъ славы Единороднаго, нужно было представить это и показать на примѣрѣ. Судя по тому, что кругомъ насъ, мы заключаемъ о томъ, что выше насъ, какъ это можно видѣть въ боговдохновенномъ писаніи и не менѣе у учителей церкви. Сказавъ „почему хотя единъ и единъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ, не два Бога“, отецъ, ведя рѣчь какъ бы въ діалогической формѣ, говоритъ: „царемъ именуется и образъ царевъ, и не два царя, ибо ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется“. Затѣмъ въ виду возможнаго недоумѣнія, откуда явствуется, что это такъ, какъ бы въ подтвержденіе частнаго случая, онъ, пользуясь общими положеніями, всѣми признаваемыми, прибавляетъ: „чествованіе образа переходитъ къ первообразу“. Это приложимо ко всякому образу, и у всѣхъ людей здравыхъ понятіе объ этомъ образуетъ не только путемъ наученія, но и естественно. Окончивъ поясненіе примѣромъ, онъ приводитъ рѣчь къ тому, съ

чего началъ и говорить: „что здѣсь есть подражательно образъ (гдѣ это здѣсь, если не на иконѣ, которая представляетъ искусственное подражаніе), сіе тамъ естественно есть Сынъ“. Затѣмъ, зная различіе и связь искусственныхъ образовъ съ первообразами, отецъ, пользуясь примѣромъ, имѣющимъ отношеніе къ естественному образу, прибавляетъ: „какъ въ искусственныхъ произведеніяхъ подобіе въ образѣ, такъ въ несложномъ естествѣ единеніе въ общеніи божества“. Слѣдуетъ отмѣтить, что сказавъ „не въ этомъ или въ томъ“, а „въ искусственныхъ произведеніяхъ“ существуетъ подобіе первообраза, ведетъ рѣчь во множественномъ числѣ о всѣхъ просто и одинаково. Посему если безстыдствующіе не откажутся отъ своего нелѣпаго состязанія, то они вынуждены будутъ безбожно и безумно измыслить не одного, а многихъ сыновей.

22.—Изреченіе „чествованіе образа восходитъ къ первообразу“ ближе относящееся къ примѣру о царскомъ образѣ, прежде всего прилагается къ искусственнымъ образамъ, отсюда переносится на образъ естественный и, какъ это обычно для примѣровъ, переходимъ въ разсужденіе о Богѣ. Оно не менѣе, чѣмъ и въ омонимѣ, показываютъ, что искусственный образъ имѣетъ связь и отношеніе къ первообразу. Какъ о царѣ и его образѣ составляется заключеніе, что не два, а одинъ царь (ибо въ обоихъ является одно), и такимъ образомъ, что особенно удивительно и примѣчательно,—ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется, что доказываетъ въ естественномъ образѣ единство сущности. Зачѣмъ же безчестить и отвергать иконы, если онѣ служатъ для раскрытія и разъясненія такого предмета, какъ ученіе о Богѣ? Тотъ же учитель въ сочиненіи противъ Савеллія развиваетъ свою мысль касательнаго сказаннаго яснѣе. „Кто